

УДК: 332.1
JEL R58

А.Н. Демьяненко

Институт экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск, Россия

**Некоторые нерешенные методологические проблемы стратегического планирования:
Дальний Восток России**

Аннотация

В докладе обосновывается позиция, согласно которой неэффективность многочисленных институциональных новаций, направленных на обеспечение устойчивого и ускоренного социально-экономического развития Дальнего Востока (ДВ), обусловлена нерешенностью ряда методологических проблем регионального стратегирования. Среди таковых применительно к ДВ особое значение приобретает проблема определения границ объекта стратегических воздействий и его пространственной организации.

Ключевые слова Дальний Восток, стратегическое планирование, институциональные новации

Some unsolved problems of strategic planning: Far East of Russia

The report substantiates following position. The ineffectiveness of numerous institutional novation aimed at ensuring sustainable and accelerated socio-economic development of the Far East (FE) is due to unresolved methodological problems of regional strategy. Among those Far East problems, the particular important problem is the object boundaries determining of strategic impacts and its spatial organization.

Keywords Far Eastern, strategy planning, institutional innovations

Вся постсоветская история ДВ это нескончаемая череда институциональных новаций, имеющих целью ускоренное и устойчивое социально-экономическое развитие макрорегиона. Однако следует признать, что ожидания не оправдываются: нет ускорения, как нет и устойчивого развития ДВ. Иначе говоря, налицо проблема, неэффективности институтов регионального развития Дальневосточного макрорегиона.

Естественно, что эта проблема, как и вал институциональных новаций и связанных с ними изменений в структуре органов государственного управления не мог не вызвать интереса у исследователей от историков и антропологов до специалистов по математическому моделированию пространственных социально-экономических систем.

Говоря о вале институциональных новаций, мы имеем в виду не только их количество (а оно столь велико, что трудно поддается учету), но и качество этих новаций, претендующих на то, чтобы их воспринимали как стратегические.

То, что оценки этих новаций разнятся – следствие, прежде всего, различного понимания положения ДВ в системе геополитических стратегий. Так, одно дело, если имеет место Поворот на Восток и тогда ДВ, это регион «особого внимания», со всеми вытекающими последствиями: инвестиции, особые органы управления и т.п.

Но, совсем другое дело, если имеет место проект «Россия – евразийская держава» и тогда ДВ далеко не самый важный для страны регион; он оказывается в ряду других регионов, которые обеспечивают вхождение России в евразийское пространство.

Но, каковы бы ни были, скажем, так парадигмальные установки государства российского есть основания считать, что проблема неэффективности институтов развития ДВ, лежит в иной плоскости и обусловлена тем, что упомянутые выше новации, не

опираются на сколько-нибудь внятную методологию регионального стратегирования. Более того, они носят не системный характер.

И, наверное, невелика была беда, если бы проблема сводилась лишь к тому, что в настоящее время в распоряжении лиц принимающих решения (ЛПР) нет канонической теории регионального развития, как и общепринятой методологии регионального стратегирования. Таковых в настоящее время просто нет, и вряд ли следует их ожидать, во всяком случае, в обозримой перспективе.

Впрочем, отсутствие общей теории вовсе не означает, что в настоящее время в распоряжении исследователей нет научных теорий и методологических подходов, использование которых позволило бы не принимать решений, которые, мягко говоря, имеют неоднозначный характер. К тому же зачастую, такого рода решения, облачаемые в форму тех или иных стратегических документов, в лучшем случае бесполезны, а в худшем – могут привести к нежелательным последствиям.

Начнем с определения объекта, на изменение которого и направлены институциональные новации последних лет, то есть ДВ. И, если взять за отправную точку анализа 2012 г., когда был провозглашен Поворот на Восток, вслед за которым была создано министерство, которому было вменено обеспечить развитие ДВ, то будем вынуждены признать: объект неоднократно трансформировался, и трансформации эти были значительны. Но и это еще не все, что следует упомянуть в этой связи. Уместно напомнить, что географические границы полномочий регулятора зачастую не совпадали и не совпадают с границами объекта регулятивного воздействия, то есть с границами ДВ. Последнее по времени название регулятора - Министерство по делам ДВ и Арктики лучшее свидетельство тому. Это лишнее свидетельство тому, что ЛПР не только не знакомы с теорией и методологией экономического районирования, но, это также свидетельство тому, что ЛПР плохо представляют, что такое ДВ и Арктика, в противном случае они вряд ли бы объединили их в единый объект управления.

Естественно, что не вполне удовлетворительное структурирование (или иначе, делимитация) экономического пространства неизбежно вызывает проблемы определения целей регионального развития [Демьяненко, 2018; Минакир, 2018; Швецов 2016]. И это вполне понятно: никаких масштабных исследований, которые бы имели своей целью выявление изменений в экономическом пространстве ДВ и РФ, в целом, просто не было.

Отсутствие знания об основных направлениях трансформации экономического пространства неизбежно породило поиск простых и понятых управленческих решений, которые тем менее вполне соответствовали тем институтам регионального развития, которые законодатель продуцировал с удивительной скоростью. Поэтому всякая институциональная новация, первоначально появившись на свет в оболочке ФЗ, а затем стремительно обрастает поправками и иными нормативно-правовыми актами, уследить за которыми становится все труднее.

Но тут невольно возникают вопросы: а есть ли ДВ, как некий целостный объект стратегического управления?

Что касается ответа на первый вопрос, то рискну предположить, что ДВ как некая целостная пространственная экономическая система не более чем устойчивая мифологема [Демьяненко, 2018]. И, последнее изменение границ ДВ, точнее ДФО, но именно ДФО – есть ДВ в умах и законодателя, и ЛПР, скорее всего, подтверждает справедливость моего предположения. Ибо, трудно поверить, что ДВ с Якутией и Забайкальем представляет собой некой единство (целостность). Скорее всего, мы имеем дело с конгломератной структурой [Лексин, 2000], элементы которой объединены не столько экономическими и социальными процессами, сколько единством административно-территориального деления.

Но даже, если рассматривать экономики дальневосточных субъектов РФ, в качестве пространственных экономических систем (что является достаточно сильным допущением), то и в этом случае придется признать, что существенные и устойчивые взаимодействия

между ними, скорее исключение, чем правило. И если таковые все имеют место, то исключительно на юге макрорегиона [Минакир, 2020].

Другая проблема и также методологического свойства заключается в том, что все институциональные новации последних десятилетий, имеющие стратегический характер рассматривают социальное и экономическое развитие ДВ, как задачу исключительно государственную. То есть, стратегия в этом случае может быть только планоформируемой (иначе говоря, планом), это – во-первых, а, во-вторых, должна иметь тотальный характер и дойти до каждого поселения. И тогда придется признать: нынешние стратегии дальневосточных регионов (субъектов Федерации и муниципальных образований) не более, чем реинкарнация комплексных планов социально-экономического развития АССР, краев и областей СССР? Только, пожалуй, за одним исключением: тогда качество планов было выше, чем качество современных региональных стратегий.

Но, как тогда быть со спонтанными стратегиями, которые представляют собой вектор частных стратегий формируемых не только бизнес структурами, но и социально-территориальными общностями (иначе общностями по поселению)?

А, как быть с пространственными социально-экономическими системами, которые обладают собственными (эндогенными) факторами развития по тем траекториям, которые обеспечивают и рост экономики и состояние блага населения?

Перечень проблем можно было бы продолжить, но можно ограничиться следующим: для ДВ не может быть разработана целостная Стратегия уже в силу того, что он не представляет собой целостного объекта ни в настоящее время, ни в обозримом будущем. Необходимо выявление реальных проблем с предельно четкой их локализацией и уже для этих проблемных пространственных образований, не обладающих собственным потенциалом развития, но являющихся значимыми для страны, формировать государственные стратегии, всякий раз отдавая себе отчет в том, что региональная стратегия – это штучный продукт и шаблон здесь не уместен.

ЛИТЕРАТУРА:

- Демьяненко А.Н. О декомпозиции экономического пространства в пределах Дальневосточного макрорегиона // Регионалистика. 2018. Т.5. № 2. С.5-20
- Лексин В.Н., Швецов А.Н. Государство и регионы. М.: УРСС, 2000. – 368 с.
- Минакир П.А., Демьяненко А.Н., Прокапало О.М., Горюнов А.П. Интеграция и дезинтеграция в экономическом пространстве России: методологический аспект // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. 2018. № 4. С. 43-54.
- Минакир П.А., Исаев А.Г., Демьяненко А.Н., Прокапало О.М. Экономические макрорегионы: интеграционный феномен или политико-географическая целесообразность? Случай Дальнего Востока // Пространственная экономика. - 2020. - № 1. - С.66-99.
- Швецов А.Н., Демьяненко А.Н., Украинский В.Н. Деструктивные стереотипы российского стратегического планирования и их возможные последствия для практики регионального стратегирования (часть 2): от общего к частному // Регионалистика. 2016. № 6. С.63-74.

Регистрация на сайте конференции: <http://ieie.su/conf/granberg2020>